

— Я схожу посмотрю, — бросил Фан Цзычэнь.

Тётушка Лю и Чжоу-гэр, не в силах усидеть на месте от беспокойства, поспешили следом.

Мужчина на одном дыхании добежал до дома. Гуай-цзай, к его облегчению, был во дворе. Задрав голову, он о чем-то увлеченно щебетал с Чжао-гэром. Малыш весь взмок, короткие прядки волос на лбу слиплись от пота, а обувь была сплошь залеплена грязью.

Фан Цзычэнь тяжело выдохнул, чувствуя, как от сердца отлегло. Подоспевшие соседи, убедившись, что ребенок цел и невредим, перекинулись парой слов и ушли к себе.

— Отец! — завидев его, Гуай-цзай отставил в сторону бамбуковый тубус и припустил навстречу.

Цзычэнь перехватил его и краем рукава вытер пот с личика сына, тут же разоблачая его маленькую тайну:

— И где же ты пропадал сегодня? Обманул папу, сказав, что пошел играть к Лю-лю.

Темные глазенки крохи забегали.

— Я... копал червячков, чтобы покормить цыпляток.

Фан Цзычэнь легонько щелкнул его по курносому носу:

— Наш Гуай-цзай очень прилежный, помогает родителям по хозяйству. Но в следующий раз не вздумай обманывать. Лгать — это плохо, ты ведь понимаешь?

Малыш виновато потупился и принялся тереть ладошки друг о друга.

— Гуай-цзай поньял. Больше Гуай-цзай не будет обманывать.

— Вот и молодец, — Фан Цзычэнь нежно поцеловал его в лоб. — Гордость моя. Отец тебя просто обожает.

Гуай-цзай просиял и, обхватив его шею, звонко чмокнул в щеку:

— Гуай-цзай тоже обожает отца!

Заметив стоявшего в дверях Чжао-гэра, он тут же поспешил восстановить справедливость и радостно добавил:

— И папу тоже обожает!

«Ну и хитрец»

Мужчина легонько подбросил сына на руках:

— Ах ты, паршивец маленький!

Чжао-гэр улыбнулся, глядя на них:

— Идите скорее в дом, пора ужинать. Всё уже на столе.

Видимо, за день Гуай-цзай изрядно намаялся, потому что аппетит у него был зверский. Обычно ему хватало и половины миски, но сегодня он опустошил целую порцию и требовал добавки. Папа, боясь, что у ребенка заболит живот от переедания на ночь, не спешил наполнять миску. Малыш, не сводя глаз с блюда, старательно облизывал деревянную ложку и подбирал даже те рисинки, что случайно упали на стол.

— Но Гуай-цзай еще немножко хочет... Животик еще просит кушать, — жалобно протянул он.

Вид у него был настолько несчастный, что Фан Цзычэнь не выдержал и вступился за него:

— Ну положи ему еще хоть ложечку.

— Ладно уж, — сдался Чжао-гэр. Сердце его тоже не было каменным. Он зачерпнул из котла совсем немного риса. — Только это, и всё. Скоро спать ложиться, набивать желудок вредно.

«Раз риса много нельзя, налягу на овощи»

Гуай-цзай уже всё для себя решил и согласно закивал:

— Угу, Гуай-цзай будет слушаться папу.

Но, как говорится, на всякую хитрость найдется управа. Чжао-гэр положил ему пару кусочков овощей и тут же убрал тарелку подальше.

Кроха замер, а Фан Цзычэнь, глядя на его вытянувшееся лицо, не смог сдержать смешка.

Чжао-гэр велел мужу присмотреть за сыном и вымыть за ним миску, когда тот закончит, а сам отправился кормить птицу.

Цыплята были совсем крошечными, поэтому зелень для них приходилось рубить мелко-мелко. Была бы возможность, их стоило бы подкормить пшеном или кукурузной мукой, но в их нынешнем положении об этом оставалось только мечтать — самим бы досыта наестся.

Вспомнив про червей, которых накопал сын, папа прихватил бамбуковый тубус, стоявший под навесом, чтобы угостить заодно и наседку.

Появление цыплят в доме стало большой радостью. Гуай-цзай и вовсе был готов спать в обнимку с этими пушистыми комочками.

Для новых питомцев Чжао-гэр соорудил загончик в углу заднего двора, огородив его плетнем из бамбуковых планок. Сверху он накрыл его плотным слоем соломы, смешанной с глиной, чтобы никакой дождь не был страшен. Теперь на заднем дворе стало куда оживленнее: круглые, как мячики, птицы неустанно сновали туда-сюда, то и дело что-то поклеывая и оглашая округу звонким писком.

Стоило папе выйти, как Гуай-цзай тут же превратился в «липучку». Схватив свою миску, он спрыгнул со скамьи и втиснулся в объятия отца.

— Хочу, чтобы отец покормил, — пролепетал он.

Цзычэнь усмехнулся:

— Что, сам уже разучился?

— Когда отец кормит, еда намного вкуснее! — заканючил малыш.

«Сказочник какой»

Мужчина спорить не стал — такие слова льстили его самолюбию. Он уже взял ложку, как вдруг со двора донесся испуганный вскрик Чжао-гэра.

Отставив еду, Цзычэнь подхватил сына и во весь дух помчался на голос.

— Что случилось?

Супруг, дрожа всем телом, указывал на землю за изгородью курятника.

Фан Цзычэнь проследил за его жестом, и у него самого поползли мурашки по коже.

На земле извивалась огромная многоножка — толщиной со средний палец и добрых двадцать сантиметров в длину. Множество её ножек хаотично дергалось. Но ужас внушал даже не её вид, а осознание того, насколько это существо ядовито.

Чжао-гэр смертельно побледнел. Мужчина только собрался его успокоить, как Гуай-цзай вырвался из его рук и бросился вперед:

— А-а-а! Мой червячок!

Он уже потянулся к многоножке, намереваясь вернуть её в бамбуковый тубус, но папа вовремя перехватил его за плечо.

— Ты... ты это поймал?! — выкрикнул он сорвавшимся голосом.

— Угу, — Гуай-цзай попытался высвободиться. — Папа, ты мне больно делаешь!

Услышав подтверждение, Чжао-гэр не только не отпустил его, но и непроизвольно сжал пальцы крепче. Всё его тело была крупная дрожь, лоб покрылся холодным потом.

— Кто разрешил тебе это трогать?!

С глазами, полными слез, он встряхнул сына за плечи:

— Зачем ты полез к этой гадости? Ты что, помереть захотел?!

Он впервые говорил с крохой так сурово. Малыш, не на шутку испугавшись, пролепетал:

— Папа?..

У многоножки не было головы — судя по всему, её случайно сбили палкой, когда ловили. Подобные твари не обладали такой живучестью, как дождевые черви, способные существовать и после разделения, но и умирали они не сразу.

Сердце Фан Цзычэня бешено колотилось. От осознания опасности у него подкосились ноги, в голове зашумело. Он осторожно отвел Гуай-цзая в сторону и опустился перед ним на одно колено. Подавив в себе бурю эмоций — страх, облегчение и ужас от того, что могло произойти, — он указал на корчащуюся тварь и тихо спросил:

— Гуай-цзай, ты знаешь, что это за насекомое?

Малыш, шмыгая носом и едва сдерживая слезы, кивнул:

— Знаю.

— А знаешь ли ты, что оно кусается? — продолжил Цзычэнь.

Гуай-цзай снова кивнул. Он крепко сжал край своей курточки, силясь спрятать задрожавшие колени. Малыш стоял, понурив голову, словно ребенок, который совершил проступок, не осознавая его тяжести, и теперь ждет наказания.

Фан Цзычэнь взял его маленькую ладошку в свои руки. Ручка Гуай-цзая была такой крохотной и худенькой, что его кулачок едва ли был больше куриного яйца. Кожа не была нежной и гладкой, как у городских детей; напротив, из-за постоянного недоедания и долгого пребывания на солнце она казалась желтоватой. На тыльной стороне ладони виднелись старые царапины, к которым сегодня добавилось несколько свежих.

— Оно ядовитое. Ты и об этом знал? — спросил Фан Цзычэнь.

Гуай-цзай бросил короткий взгляд на папу и снова уткнулся глазами в землю:

— Знал.

Чжао-гэр уже готов был снова взорваться от гнева, но Фан Цзычэнь остановил его коротким жестом, призывая к терпению.

— Раз ты знал, что оно ядовитое и очень опасное, — вкрадчиво произнес он, — то скажи отцу: зачем же ты его ловил?

<http://bllate.org/book/15357/1436682>